М. В. Первушин

«СМИРЕННОГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ»: автор и его герой сквозь призму библейской нарратологии

Инок Фома — автор восторженного панегирика тверскому князю Борису (1425—1461). Его полное название — «Смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Это произведение дошло до нас в единственном списке второй половины XVI века[1], который хранится в Санкт-Петербурге в архиве Филиала института российской истории, собр. Н. П. Лихачева, №689, л. 212—315. Список имеет много дефектов, обрывается на полуфразе, переписан со множеством ошибок и т. п. Предположительная датировка самого памятника — середина XV столетия (1446—1453 годы[2]).

В «Слове» имеется деление текста на четыре самостоятельные части, выполненное в виде заголовков (например, «О том же великом князе Борисе Алексанъдровиче» или «О том же великом князе Борисе Александровиче слово от летописца вкратце» и т. п.). А. А. Шахматов выделял еще две неозаглавленные части «Слова», которые, отличаясь композиционно и тематически от других четырех частей, объединены с ними общей идеей и стилем[3]. Каждая из частей «Слова», по мнению академика, была написана в разное время[4]. Однако Я. С. Лурье вполне обоснованно утверждает, что даже если это и были несколько разных произведений, то их соединение в одно не было механическим, и потому «Слово» представляет собой «обработанный материал»[5]. Вслед за Я. С. Лурье будем рассматривать «Слово» как единое произведение.

---

[1] *Лихачев Н.П.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном князе Борисе Александровиче (в серии: Памятник древней письменности и искусства, №CLXVIII). СПб., 1908. С. XI. «Слово» было издано также в: БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 72—131.

[2] Датировка Шахматова. См. *Шахматов А.А*. Отзыв об издании Н.П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном князе Борисе Александровиче (в серии: Памятник древней письменности и искусства, №CLXVIII). СПб., 1908». СПб., 1909. С. 11—13.

[3] Согласно Шахматову, имеют «общий характер, общий язык и общее содержание». *Шахматов А.А.* Отзыв… С. 6—7, 13.

[4] *Шахматов А.А*. Отзыв… С. 10.

[5] *Лурье Я.С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1936. Сер. ист. наук. Сер. 36. Вып. 3. С. 88.

Об его авторе иноке Фоме кроме имени и общественного положения ничего более не известно. Из текста «Слова» становится ясно, что автор был близок к князю Борису, хорошо знаком с его двором и, вероятно, занимал должность придворного летописца или княжеского биографа. О цели написания «Слова» — прославить тверского князя — Фома пишет: «И аз же иного не имам чим чтити его, но развее пишу дабрая его деяния»[6]. Причин появления памятника Фома перечисляет множество, но все они сводятся к одной: каждый из прежних летописцев «величал своего царя и тем паче мы должны величать своего государя великого князя Бориса Александровича, ибо он есть гордость нашего града...».

Большинство исследователей[7] этого произведения считали, что Фома, прославляя князя Бориса, стремился к удовлетворению политических амбиций Твери, которые выражались в желании распространить власть тверского князя на всю русскую землю. «Для этой основной задачи, — пишет в частности М. А. Ильин, — и подбираются факты из биографии Бориса Александровича... мы видим его как строителя городов и монастырей, как воина, защищающего свою землю от врагов, как известного и дальновидного политика, уважаемого в других странах... Борис не уступает крупнейшим деятелям прошлого и превосходит... современников. Фома... находит для своего князя достаточно яркие формы и убедительные слова, чтобы это доказать»[8].

И действительно, княжеские панегирики всегда занимали особое место в письменности, поскольку они подчинены задачам историографическим и тесно связаны с политическими чаяниями или претензиями того или иного княжества. А потому пытливый исследователь панегириков имеем возможность напрямую соприкоснуться с внутренней жизнью или, так сказать, закулисной стороной книжной традиции того или иного княжества.

---

[6] БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 72—131 (далее исследуемый памятник цитируется по этому изданию без указания страниц).

[7] *Philip W.* Ein Anonomus de Tverer Publizistik im 15 Jahrhundert // Festschrift für Dmytro Cyzevskyj zum 60 Geburtstag. Berlin, 1954. S. 235—237; *Halperin C* Tverian political thought in the fifteenth century // Cahiers du monde russe et sovietique. 1977. №18. P. 267—272; *Vodoff W.* La place du grand-prince de Tver dans les structures politiques russes de la fin du XIV-e et du XV-e siécle // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1980. Bd. 27. S. 55—60; *Klug E.* Das grosfürstentum Tver // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Bd. 37. S. 229, 274—278, 282—285, 297; *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* Княжеская власть в представлении тверских книжников XIV—XV веков // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 195—198; и др.

[8] *Ильин М.А.* Тверская литература XV века как исторический источник //Труды историко-арх. ин-та. Т. III. Каф. ист. СССР. 1948. С. 16—17.

Безусловно, в «Слове похвальном…» нельзя исключать политические цели автора, но вместе с тем те избранные княжеские добродетели, на которых останавливает свое внимание инок, не совсем обычны для традиционного княжеского панегирика, призванного удовлетворить политические амбиции, даже несмотря на то, что автор показал себя весьма начитанным. Так, кроме Библии и святоотеческой литературы (творения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина), ему был знаком и какой-то «хронограф», названный им «царским летописцем», и Начальная летопись, и «Изборник 1073 года», и «Златоструй», и «Слова» Кирилла Туровского. Фома активно использовал при написании своего произведения «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского, повести: о Борисе и Глебе, убийстве Андрея Боголюбского, Александре Невском, памятники Куликовского цикла. Можно найти и ряд других влияний, вплоть до повести о Михаиле Александровиче Тверском[9].

Вместе с тем, те заимствования, которое есть в изучаемом памятнике, совершенно не умаляют авторской самостоятельности. Фома много пишет от себя, обращаясь к читателю, оправдываясь или объясняя ему свои стремления, позволяя, порой, и иронично упрекнуть его: «Но дивлюся вашей любьви! Тъи почто не писаете преже мене о таковомъ государи, но съй бо есть земъли вашей честь?»[10], или дать следующий комментарий: «Аще кто обилен будет человечьскою мудростию и ограждену имат душу мысльми человечьскыми, а чти и славы великого государя не поведаеть, ть ни в что же вмениться мудрость его»[11].

Безусловно, что для более глубокого понимания средневекового текста просто необходимо выяснить его отношения с текстами-предшественниками. Некоторые исследователи считают, что эта проблема соотнесенности с книжной традицией — едва ли не центральная[12].

---

[9] Ср.: *Шамбинаго С.К.* «Слово похвальное» инока Фомы // История русской литературы: В 10 т. Т.II. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945. С. 249; *Воронин Н.Н.* Зодчество северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. II: XIII-XV столетия. М., 1962. С. 418—419; *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. Сб. ст. М, 1960. С. 169; *Шахматов А.А*. Отзыв… С. 17.

[10] БЛДР. Т. 7. СПб., 2005. С. 72—131.

[11] Там же.

[12] См.: *Двинятин Ф.Н.* Традиционный текст в торжественных Словах св. Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С.81—101; *Хафизова О.Р.* Инока Фомы «Слово похвальное» и книжная традиция. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Машинопись. Москва, 2010. С. 4—17 и др.

Вместе с тем, анализ заимствований, а также выявление трансформации используемых выразительных приемов позволяет точнее определить авторские задачи, подчас неявные интенции и, следовательно, лучше понять текст.

Обратимся непосредственно к интересующей нас теме библейской нарратологии. Знание Фомой библейских книг удивляет так же, как и его знание «светской» литературы. У смиренного инока представлены и Пятикнижие Моисеево, и Псалтирь, и Притчи Соломона, и книга Иов, и многие из пророков, и все четыре евангелиста, различные апостольские послания и даже Апокалипсис. Однако все библейские цитаты мало соотносятся с такой традиционной областью их использования как сотериология (учение о спасении), а больше имеют отношение к материальной стороне жизни человека.

Методы использования Фомой библейских цитат так же отличаются от сложившейся нормы употребления Священного Писания древнерусским книжником. Фома с виртуозностью софиста использует нейтральный (или даже отвлеченный от основной темы повествования) библейский текст для иллюстрации (даже не доказательства или подтверждения) своих утверждений, а для красного словца, совсем не используя идею (смысл, замысел) библейского отрывка в своем.

Несколько примеров:

— «Но много деръзновениа имеет к Богу великий князь Борис. И помагает ми слово написанное: "И милость на судии хвалиться" (Иак. 2:13)».

— «Пишет бо в Бытии но рече: "Благословен Бог Симов" (Быт. 9:26). И аз рку: "Благословен Бог великого князя Бориса Александровича"... И паки но рече: "Распространит Господь Афета, и вселиться села Симова" (Быт 9:27). И аз же о сем рку: "Распространил Бог языцы людийстии на земли, и вселишася в села великого князя Бориса Александровича"»[13].

— «Но о сем же ми мниться рече пророк Даввыд: "Сладка есть словеса твоя паче меда устом моим" (ср. Пс. 118:103). И аз же мню, тако есть уста великаго князя Бориса Александровича, сладъше меду и сота всем человеком»[14].

---

[13] Рассуждая далее, можно сказать, что князь Борис происходил от сынов Сима, т.е. был семитом, а его народ — тверичи, как и прочие европейцы, относились к сынам Иафета.

[14] Здесь уже прямое сопоставление Бога и князя, если вникать в смысл и контекст цитируемого отрывка.

— «"В память вечную будеть праведникъ" (Пс. 111:6). Но, воистинну, реку, в память. Но понеже строение великого князя Бориса Александровича облиставаетъ, и якоже некаа денница или яко некай венець благолепен».

— «И то и како о нем пытаем или от кых книг сиа пишем, и якоже пред рекохом: не от късниг бо, но от строениа (имея ввиду строительную деятельность Бориса. — *М. П.*) самого того государя. Якоже есть писано: "Всяко бо древо от плода познано будеть" (Мф. 12:33)». Причем для большей убедительности, понимая, что евангельская цитата имела исключительно нравственное приложение, Фома добавляет цитату из святых отцов: «И аз прииму слово святого Дионисиа Арепагита, но якоже полезно есть всяко здание градское человекомъ».

— «Но елико приходящих в села великого князя Бориса Александровича! Въистину по Евангелию глаголеть: "И ничтоже их не вредит" (Ср. Лк. 10:19)».

— «Приведем к сему и Давыда царя, но еже рече: "Пасый Иизраиля" (Пс. 77:71, 72). Но рци ми яснее, кому то рече? И аз же реку: въистинну, пастырь бе великий князь Борис Александрович!,, еже пасы и строа новый Иизраиль, Богом спасеный градъ Тферь».

— «И о семь же азъ рку сповод в Давыдово (т.е. в согласии со словом Давидовым, ср. Пс. 44:8): "Велиций же князь Борис Александровичь, възлюбил еси правьду и възненавидел еси безаконие. И сего ради помаза тя Бог паче причастник твоих и прославил тя есть паче всех великих князей руских"».

— «И посемь же великий князь Борис Александровичь призва мужи хитры и изообрете их, якоже и Моисей новаго Веселеила (Исх. 31:2), и пристави их к съвершенню таковаго дела».

— «"Упасе бо, — рече Давыд, — люди своя рукою Мисеовою и Ааронею" (Пс. 76:21). И князь же великий Борис Александровичь пася и строя Богом спасеный град Тферь... и избра Давыда, раба своего, пасти Иисзраиля в достоание себе. Но воистинну бо реку: новы есть Давыд великий князь Борис Александровичь, пасы и строя достоание праотець своихъ».

— «Но той же зимы государь нашь князь великий Борись Александрович восхоте поискати изгыбшей драгмы (Лк. 15:8)... восхоте пойти ко граду Ржеве».

— «Но понеже бо и писано есть: "Не может град укрытися, верху горы стоя" (Мф. 5:14). И тако же и сей славный государь... не может утаитися в такой велицей силе».

— «И како сбыстся Писание пророком Давыдом, глаголющим: "И иже в отець твоих быша сынове твои" (Пс. 44:17), и сий бо великий князь Борис Александрович, на отчий престоле Богом утвержаем».

И так далее, и так далее, и так далее… Отметим, что использование цитаты из Священного Писания у Фомы перевернуто с ног на голову: слова Библии у тверского инока, как верно указала Е.Л. Конявская, порой служат не для подтверждения пассажа, а как основание оного[15]. Почему? Потому что Библейская цитаты, аллюзии, сравнения, намеки… в большинстве своем не немотивированны.

Правда, несколько библейских цитат у инока Фомы все же используется им вполне традиционно — для подтверждения высказанных мыслей. Например, Борис «подмагаше их иже кто чим скуден, но и писано бо есть: "Ваш избыток во онех недостатокъ будет" (2 Кор. 8:14)», или «кьнязь же великий Борис Александровичь полагая себе на сердци Святое писание и еже рече: "Богатство аще ли спееть, то не прилагайте сердца (Пс. 61:11)», или «из Христова послушества приведу всемъ вам: "И аще ли кто напоить чашу воды въ имя ученика, и той мъзду прииметь" (Мф. 10:42; Мр. 9:41). И князь же великий Борис не единого напиталъ, ни дву, ни 10, ни градъ, но многы грады и области припиталъ во своей отчине», или «Иосифа его нареку, и егоже постави Бог господина надо всем Египтом? Но той толико пшеницею препитал град Египет, и елико си новый нам Иосиф, великий князь Борис Александрович!,, но препитал есть многыя области и веси».

Все эти цитаты, впрочем, как и в первой группе, затрагивают материальную сторону жизни.

Подавляющее большинство библейских цитат у инока Фомы посвящено обоснованию радости, которую вызывает у всех князь Борис. Причем все из них относятся к первой группе. Отметим, что для большей убедительности Фома использует и святоотеческую цитацию (как в примере со строительством) из Иоанна Дамаскина: «Якоже рече Иван Дамаскын: "Идеже несть печали, и ту радость и веселие"». А вот примеры библейских цитат о радости:

— «И о сем бо рече Иаков целомудрому Иосифу: «Наипаче царскыя славы обьять мя лице твое» (Быт. 46:30). Аз же мня: лице великого князя Бориса Александровича, светящеся паче камени

[15] Ср.: *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV в. М., 2007. С. 294.

сапфира и темпазиа. И кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися».

— «И пакы: "О сем рече Иев, иже око бе слепым и вож хромым" (Иов 29:15). В истинну рку: око и вожь. И несть бо такова в человецех, и иже бы видивь лице его, а не възвеселился, великого князя Бориса Александровича».

— «Яже в пророцех слышанная но зде убо делом съвершаеться. И, якоже рече, юноша, и девы, и старци со юнотами (Пс. 148:13), вси вкупе единодушно и радостно въпиаху и глаголющи: "Велий еси, Господи, и чюдна дела твоя" (Откр. 15:3). И кто възглаголеть силы твоя, Господи, яко даровалъ еси нам... князя Бориса Александровичя

— «Добро есть всем нам возопити веровавъшимъ святописцу Давыду: "Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемся и възвеселимься во нь!" (Пс. 117:24) Но воистинну възрадоватися намъ подобаетъ, слышащи такова государя».

— «Но приведу к симъ Давыда Господь глаголя: "Обретох мужа по сердцу моему и посажю его на престоле моемъ до века" (Пс. 88:21—30). И аз же сего самодержавнаго государя, великого князя Бориса Александровичя, новаго Давыда нареку, не токмо бо един Господь обрете его по сердцу его и по совету, но и вси богоименитии людие».

— «Или Моисея великого нареку его, иже ветхаго законодавца, еже проведе израиля немокреными стопами сквозе Черьмное море (Исх. 14:1—32)? Великий же кнзь Борис Александровичь новый есть Моисей человеколюбивый, но и когожедо насъ преводя от убожества и от скорбнаго житиа въ свое радостное и Богомъ обетованное царство».

— «Но еще же Иаков, брат Божий, учит ны: и иже кто слыша честь государя своего веселиться, тъй съвершенъ есть. Но, воистину, подобаетъ нам веселитися».

— «"Память праведнаго с похвалами" (Прит. 10:7), и рече премудрый Соломон. Но да аще есть убо всехъ праведныхъ память с похвалами, и кто ли не принесет похвалы великому князю Борису Александровичю, и кто ли не прославить его».

Сам инок Фома предстает в «Слове» человеком стяжательным, расчетливым, домовитым, и если не корыстным, то пристрастным к материальным благам и удовольствиям, которые ставит он на первое место. Например, в чем видит Фома великую радость, которую «дарова Бог человечьскому роду»? В том, что «рекы проливающеся и всю землю напаяють. И земля творить плоды». Говоря о пожаре, смиренный инок непременно замечает, что «виде многы церкви пого-

ревша и...», далее идут не избы, не посады, не люди, что логично и, более того традиционно, а «...многы домы с товаром». Единственное о чем, можно плакать и горевать, по мнению Фомы, так это о потере положения и состояния: «преже бо добролепна, и добровидна... ныне же уничижиина и нищевидна».

Он с трепетом пишет о своем месте при княжеском дворе: «Мы же повсегда трапезе его съпричастници быхом и его здравием в велицей тишине пребываем», а потому и «как умолчим изрядныя его добродители», и желает князю Борису «умножения лет... в тишине», чтобы «в его государстве тихо и безмятежно» еще пожить. А как Фома сетует, укоряя сам себя, когда сожалеет о том, что не посмотрел сколько «великих даров» принесли князю «от Шаврукова царьства»: «Аз же есмь грубый невежа... токмо видех многы бремена, носима человекы... [но] не доидох тамо... ид еже ми их было число видети...», и вновь повторяет, как бы вздыхая: «не виде числа, но токъмо виде: много». Даже говоря о своем труде, Фома сравнивает его с чем-то материально-дорогостоящим или съедобно-услаждающим. Это, например, создание царского венца («понеже бо царскый венець кто хощет составити»), в котором особо следует обратить внимание на подбор драгоценных камней, чтобы не испортить красоту венца («всю лепоту венца того без лепоты сотворит»), или плетение золотого венка («сплетем ему яко злату пленицю»), или евангельские: лепта вдовицы («нечто от многа мало подадим ему, но якоже оноя вдовици две лепте бысть»), процент от полученного таланта («убоимься притчи ленивага оного раба, съкрывъшаго таланъ государя своего и им прикуп не сътворшаго»), евангельский бисер («сотворите убо себе достойны бисеру приатиа»), или медовые соты («сотове медвении словеса добраа»), или и то и другое вместе («сладце отдаю долг, ни бо нищету приносит, но богатство ми приносит. Но понеже словесное убожество, то богатство ражает»).

В понимании инока Фомы главная добродетель любого человека (тем более князя) состоит в возможности и желании удовлетворить материально-телесные потребности другого. В этом ключе и раскрывается в «Слове» смиренного инока княжеский образ.

Особое внимание Фома обращает на добродетели Бориса, связанные с сытостью и благоденствием, с полной чашей, с рогом изобилия: «царьскаа ядь (т.е. князь Борис), и от негоже мнози препитаеми бывают»; «Борис не единого напитал, ни дву, ни 10, ни град, но многы грады и области припитал во своей отчине»; «препитал есть многыя области и веси»; «всех питает, но и всех дарует». Если князь «сътворяет праздник светел», то всегда «призывает на трапе-

зу» всех, и простой люд, и придворных, и даже недавних врагов, над которыми он одержал победу. Борис и «ближним и далным велици дарове даеми». Во «власти великаго князя Бориса» житие «бес печали», «и того ради и от князей, и от велможь, и даже и до простых людий желают в господарстве том быти», «и ничтоже их не вредит». Причем, интересно, что, даже описывая ход военных действий, Фома вдруг замечает, что «от всех стран стицахутья людие в дом Святого Спаса и к великому князю Борису Александровичи), но и он же приимаа их, и упокоиваа ихъ, и утешая их, и подмагаше их иже кто чим скуден... мы же на преднее взыдем». Земля Тверская становится «многонародна» от пришедших с «конець земли» ради «не токмо премудрости слышати, но и видети славнаго того государя и питатися от царскыя тоя и сладкоядныя тоя трапезы», и «бысть же княжение его тихо и безмятежно».

Если же Фома пишет о свадьбе будь-то дочери Бориса или самого князя, то представляет ее не только радостной («бысть радость велиа», «бысть радость и веселие велие»), но и обязательно многолюдной («князей и боаръ множество... таковей бо тесноте сущи, но якоже ни граду их не вместити», «и народу же ту сущи многу, не токмо ихъ церкви не местити, но ни граду») и многодневной («на многы дни»).

Подробно (в связи с благоденственным житием в Тверском княжестве) инок описывает княжеское строительство городов, церквей: «созидаетъ церкви, и смышляет грады, и ихъже не лет хитрости их никомуже глаголати, и веси строит», а строения «великого князя Бориса Александровича облиставаеть, и якоже некаа денница или яко некай венець благолепен». Неоднократно Борис устраивал «пир весел», приезжая на места строительства, и как уже было замечено, «не токмо на то позванънымъ, но и прилучившимься». Общая цель княжеского строительства — «себе во утешение», «собе памети достоин», и в тоже время, оправдывая Бориса, «не собе грады създидааше единому в потешение, но и всем человеком во великое прибежище и во упокоение, а собе же на великую память творяаше».

В том же ключе благоденственного жития Борис, согласно «Слову», всегда «в мирная готовляяшеся» и «мир убо реку, еже ко странам», т.е. стремился к миру со странами. Очень характерно описание военных действий у Фомы. Борис ни разу не выступает в поход со своим войском, хотя войны в повествовании инока ведутся Борисом довольно активно. Но:

— либо все военные действия ведутся исключительно воеводами князя: «и посла своих воевод крепчайших». Но всегда замечая, что победа, одержанная воеводами, целиком заслуга князя.

Так, например, после победы воевод над Колычевым Фома пишет: «И иная же его (т. е. Бориса. — *М. П.)* мужества кто изочтет»). Причем «воеводы же великого князя Бориса» всегда приходят с военных походов «добри здрави»;

— либо конфликт разрешается еще не начавшись: «прииде весть... что король... Казимир... идет на дом Святого Спаса... Борис Александрович... нача въоружатися», услышав это «Казимир... повели воеводам своим с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати... и с великою радостию мир взя». Еще: «князь же великий Борис Александровичь против въоружашеся, а воеводы мир взяша»;

— либо, без всяких военных действий: приходили к Борису новгородцы по своей воле «поруб тферской весь отдаша; а что воеводы тферскиа ходив повоевали землю ихъ и что иное у них поймали, и тому всему погреб (т. е. забыть. — *М. П.*)».

Лишь единожды Фома упоминает участие Бориса в непосредственных военных действиях для возврата удельного города Ржева, отделившегося от Тверского княжества. Желание князя восстановить справедливость Фома сравнивает с поисками «изгыбшей драгмы», причем собрав войско и послав его, естественно с воеводами, на Ржев, сам Борис двинулся в близ стоящий город тверского княжества «на свою утеху». Однако его войска хоть «ничимъже неврежене» были, но не смогли взять город. Воеводы просили Бориса самому выступить, и было это «дивъству достойно зрение», и «в который день приступил князь великий Борис Александрович под град, и в той день и отвориша». Причем «князь не восхоте вьехати во град того дни», а когда въехал «якоже высокопарний орлъ на свой лов... бысть радость велика во граде том, но яко дарова им Бог государя, и пастыря, и истиннаго христолюбьца, и защитника земли ихъ». Борис два дня праздновал победу, «позвав пировати своих князей и воевод и тъ земцев сущих и подаде им честь великую».

Как уже было сказано при разборе библейских цитат, Фома особо отмечает непременную связь князя с радостью, светом, весельем (там, где князь Борис — эдакий вечный праздник): «Сиает бо яко солнце, и златыи луча испущающи»; «светило великое — великий князь Борис... како же мы и не возвеселимься и иже толику радость даровал Бог... иже всем вкупе радость и веселие и безе печали житие». Однажды пожелав въехать в свой город незамеченным, тайно, Борис не смог этого сделать, т. к. «тогда наипаче являем бывааше... яко солнце светящеся посреди всех человек». При князе Борисе и «людии с радо-

стию совещашася» и «въеи людие радостно ликоствуют»; «на него упование имущим, и радовашеся вся земля Тверская»; «възрадоватися намъ подобает, слышащи такова государя»; «сладостен убо райский цвет, и сладъчае того слышати великого князя Бориса»; «лице великого князя Бориса... светящеся паче камени сапфира и темпазиа. И кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися»; «насъ преводя от убожества и от скорбнаго житиа въ свое радостное»; «воистину, подобаетъ намъ веселитися, видев его честное княжение»; «и несть бо такова в человецех, и иже бы видивь лице его, а не възвеселился»; «и кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися»; «и многая радости душею и телом исполнися»; «велико... съкровище (князь Борис. — *М. П.*), но обаче дивъству и радости откровение»; «того бо ради сугуба радость бывает всем крестианом и веселие неизреченное... и вси людие радостию ликоствуют, видяще Богом спасеный град Тферь добре стоит и красящеся великим княземь Борисом Александровичем».

Более того, князь Борис был *«всим* вкупе сладок и вжелинен», и потому «мнози людие» специально шли из «далних» земель и царств, одни желая «видити... многорадостное то и светловидное лице», «инии же мнозии человеци... радостно прихожаху с великимъ тщаниемъ, токмо желая слышати и многосладъкую гласну и мудростную его речь». Даже смысл жизни в похвале Борису Никомедийского митрополита Макария становится «сладкой чашей», которую «испивает» Борис. А уста «великаго князя Бориса Александровича, сладъше меду и сота всем человекомъ».

Тверской князь даже церковь «устрой» в честь «обещание о радости», сообщает Фома, называя так праздник «Вознесение»[16] и добавляя: «Еже и бысть» (т.е. что и исполнилось). Эта заключительная фраза дважды повторяется иноком, первый раз он уточняет обещание какой радости он имел в виду: «О послании Святого Духа, еже и бысть», а второй раз говорит без уточнений — «обещание о радости, еже и бысть», недвусмысленно намекая, что радость эта исполнилась в беспечальном, радостном житии в правление князя Бориса.

Согласно Фоме там, где Борис просто не может быть горя, а плач может быть только от радости. Так князь Василий Темный плакавший о своем горе, услышав, что Борис вступился за него «прослезися» с радости, сказав про Бориса: «он же преупокоил мя».

[16] Ср.: «Я пошлю *обетование* Отца Моего на вас... И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим *с великою радостью*» (Лк. 24:49—52).

Затем, когда произошла встреча двух князей, Борис с Василием не могли не посокрушаться о судьбе последнего. И хотя оба князя «плакавшеся им на долъзе», затем «поимастася оба по руце и поидоста вечеряти. И тако же и великая княгиня Настасиа с великою княгинею Мариею, имынеся и ти по руце, и поидоста на ту же трапезу вечеряти, и седоста ясти». Заканчивается этот рассказ о встрече двух князей уже традиционно для смиренного инока: «И обратил еси плачь... в радость».

И как итог описанных княжеских добродетелей можно привести слова Фомы, что «вси богоименитии людие рекоша в себе: "Обретохомъ по сердцу и душамъ нашимъ утешение". И азъ о немъ рку: "Въистинну утешитель словом, и видениемъ, и дааниемъ"», т.е. и слово Бориса вызывает радость, и его вид — радость, и подаяние его — тоже радость.

Все остальные княжеские добродетели или заслуги относятся к «этикетным» восторгам в его адрес: «от всех земель славивому», «похваляемому», «благородный и благоверный», «преблагословенный, преспевает во всяку добродетель, богочтец (почитатель Бога), священнолюбец, истинный христолюбец, славноименитый» и т.п.

Таким образом, главная идея инока Фомы заключается в том, чтобы показать, что у всех кто сталкивается с Борисом (даже у неприятеля), он вызывает одно всеобъемлющее чувство — чувство радости.

Зачем ему это? Ответ кроется в первой фразе произведения Фомы, которое начинается с цитаты из библейской книги Притч Соломона: «Елма преподобному и похваляему възвеселяться людие»[17] (ср.: Прит. 29:2). В тексте Острожской или Елизаветинской Библии этот стих звучит так: «Похваляемым праведным возвеселятся людие», в Синодальном переводе: «Когда умножаются праведники, веселится народ». Фома изменил в этой цитате только число — с множественного на единственное, понятно кого имея ввиду.

Всем своим трудом Фома постарался показать, как «веселятся людие» Борису, сколько радости он всем доставляет, а радость согласно домовитому Фоме состоит в основном в удовлетворении материальных запросов. Причем Фома явно попытался поставить зависимость в программной цитате не только прямую — «праведному возвеселятся люди», но и обратную — если люди веселятся кому-то, то он праведен.

---

[17] Согласно переводу, выполненному Н.В. Понырко: «Когда прославляют праведника, приходят в радость люди».

Выводы:

— *по отношению к Библии:* Согласно исследуемому произведению можно сделать вывод, что любой идее (осмелюсь сказать, даже самой крамольной) инок Фома, блестяще знающий Священное Писание, смог бы найти в нем авторитетные подтверждающие цитаты. Схоластический подход к Библии был в ходу у древнерусского книжника. Если и были в начальный период русской литературы благоговейный трепет и внимание к Писанию, то к XV столетию они сменились потребительским его использованием для различных выгод.

— *по всему произведению:* «Слово» инока Фомы дает нам представление, во-первых, о самом иноке, как человеке, во-вторых, показывает то впечатление, которое хотел произвести на читателя автор «Слова» личностью Тверского князя Бориса. Вместе с тем все подробности повествования дают нам возможность живо чувствовать, как отражалась деятельность Бориса Александровича в умах его современников. Я. С. Лурье пишет, что «"Слово" рассчитано на недоверчивого читателя. Автор в полемическом тоне обращается к скептикам "ненаказанным", подчеркивая, что был "самовидцем" описываемых событий»[18]. Такая настойчивость Фомы в утверждении праведности Бориса может быть объяснена только тем, что у современников князя сомнения в его праведности все же были.

Цельное впечатление от этого произведение остается двойственным. С одной стороны, Фома очень четко аргументировал (в основном с библейских позиций) необходимость прославления своего князя, но видя как он пользовался Библией в других случаях и усилия кому-то что-то доказать приводят к мысли, что «Слово» Фомы напоминает попытку установления культа личности Бориса[19].

---

[18] *Лурье Я.С.* Роль Твери… С. 87.

[19] Параллель напрашивается сама собой: «Дело Сталина бессмертно. Гениальные творения его ума, горячий пламень его сердца, безраздельно отданные народу, будут озарять трудящемуся человечеству дорогу к сияющим вершинам коммунистического Завтра» (Дело Сталина будет жить в веках // Ленинградская правда №58 (11549), 9 марта 1953, с. 1); «Хороша Москва прекрасная! Всего краше-дороже стена кремлевская со высокими все с башнями, со звездами все со блестящими. Как со той башни день и ночь во платье-то во военном всё, в руках с трубочкой с подзорною, со улыбочкой со веселою глядит-правит страной заботливо превеликий вождь, предобрый отец еще славной, мудрой Сталин-свет. Он глядит, глядит, не насмотрится, чутким ухом все прослушает, зорким взором все увидит жо, он все слышит-видит, как живет народ, как живет народ, как работает. <…> Как про Сталина-свет дела славные, про его доброту превеликую ни пропеть будет, ни описать всего! Слава Сталину будет вечная! Много лет ему жить да здравствовать Белому-то морю все на тишину, а Москва-реке на велику честь!» (Слава Сталину будет вечная // Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. Н.П. Андреева. [Л.]: Совет. писатель, 1938. С. 498—499).

Можно поискать в «Слове» и оговорки, приоткрывающие предельную жесткость князя, его тираничность. Это и «воистину, подобаетъ намъ веселитися, видевъ его честное княжение, великого князя Бориса Александровича, и много бо показуеться самовластно, покоривым бо от него честь, а непокоривым казнь», «Августу бо власть приимъшу, но мъногыя власти престаша. А князю же великому Борису Александровичу власть приимше тферскаго чиноначальства, гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престоле со собою посади[20], но и еще же и иныя власти, не покоряящаяся ему, но покорны сътвори», «крепкой державней власти великаго князя Бориса».

К тому же в конце «Слова» Фома попытался, как бы извиняясь заметить, может быть, боясь праведного гнева его современников: «И хотя бо кто добрая словеса изглаголати о своемъ государи, и да просит у Бога слова на отверзение устомъ... и "по воздании же усть его въздасть ему" (Прит. 29:17). Понеже бо и Павелъ апостолъ к римляномъ рече: "Но возлюбихъ бо вы, да некое слово подах вы" (Рим. 1:11). Но да възлюбите и вы уста глаголюща добро о великомъ князи Борисе». И даже Фомино уверение, подтвержденное евангельской цитатой, что «приходящих в села великого князя Бориса Александровича! Въистину по Евангелию глаголеть: "И ничтоже их не вредит"», если воспринимать в контексте Священного Писания, то кровожадность и ядовитость всяческих тварей не сможет повредить верующему.

Главная цель произведения перемещается с политической причины на нравственную. И тогда снимается вопрос о том, почему же слово это было забыто даже в тверской земле? Пытаясь ответить на него, историки указывали на Москву, как причину уничтожения славного панегирика тверскому княжению, которая боялась возникновения сепаратистских настроений в ближайшем княжестве. Скорее не Москва была против «Слова», а сами тверичи видели в нем источник «всякой неправды»[21].

---

[20] Начало княжения Бориса Александровича было ознаменовано борьбой с удельными князьями. После смерти его деда Ивана Михайловича и кратковременного правления отца Александра Ивановича и старшего брата Юрия Александровича в 1425 г. престол занял Борис. Но у Юрия был сын, Иван Юрьевич, который мог считаться прямым наследником престола; однако Борис не допустил его к власти, дав ему небольшой удел — Зубцов. В том же 1425 г. Борис лишил престола и заточил старого соперника своего деда — Василия Михайловича Кашинского.

[21] Чуть меньше трех лет потребовались нашей стране в недавнем прошлом, чтобы осознать «культ личности и его последствия» (XX съезд КПСС. Стенографический отчёт. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 401, 498).